Этнография переписи в Чувашской Республике

Иван Бойко, Валентина Харитонова

На пресс-конференции по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. председатель Госкомстата Чувашии Ю. Марков отметил, что в ходе этого важного государственного мероприятия были заполнены анкеты на 1,3 млн. человек. Эта цифра составляет 98,8% от расчетной численности населения республики. Но в ходе контрольного обхода были переписаны ранее не выявленные граждане, и этот показатель возрос до 102,5%. Уже в ходе контрольных обходов переписчиков началась работа по выявлению двойного учета или недоучета населения, уточнению правильности заполнения переписных листов. В ноябре 2002 г. один из авторов данного сообщения провел опрос студентов экономического и электротехнического факультетов Чувашского госуниверситета, а также Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД – всего около 400 человек. Им задавался вопрос об участии и неучастии студентов или их родственников в переписи, а также о родном языке. Если говорить об участии в переписи, то не охваченными ею оказались не более 3–4% респондентов и членов их семей.

В целом на территории республики перепись прошла организованно, без особых проблем. Отказы населения от участия в ней – в связи с теми или иными бытовыми проблемами (отключение тепла, воды и т. п.) – удавалось своевременно решать. Имели место отказы по религиозным причинам. В печати сообщалось, что 30 монахинь Чебоксарского женского монастыря решили не принимать участия в переписи, и их поддержали еще несколько человек. После того как митрополит Чебоксарский и Чувашский Варнава 10 октября 2002 г. ответил на вопросы переписчика, несколько «отказниц» изменили свое решение и приняли участие в переписи. Неприятие переписи проявили и некоторые баптисты; часть из них была возмущена тем, что на вопросы переписчиков отвечали родственники. В Госкомстат республики поступило пять заявлений-отказов от представителей этой конфессии.

Кроме собственных наблюдений, относящихся к проведению переписи в Чебоксарах и Алатырском районе (пос. Восход), при написании настоящего сообщения авторы использовали материалы формализованного опроса 15 переписчиков, работавших в Чебоксарах, а также в Чебоксарском (пос. Кугеси), Ибресинском (пос. Буинск и с. Малые Кармалы) и Порецком (с. Рындино) районах республики. Это студенты, работники библиотек, безработные. В Чебоксарском районе переписчики опрашивали в основном чувашское и русское население, в Ибресинском – татарское, чувашское и отчасти мордовское, в Порецком – мордовское. В Чебоксарах этнический состав населения смешанный, при преобладании чувашей и русских. Всего этими переписчиками было опрошено около 4,5 тыс. человек. В Алатырском районе наблюдение велось за ходом переписи среди русского населения.

Треть переписчиков, с которыми беседовали авторы, оценила уровень проведенной с ними предварительной учебы как достаточный, у двух третей в ходе работы возникали вопросы – в основном в связи с определением отрасли экономики, источника доходов и т. п. С определением гражданства, национальности, владения языками трудностей у переписчиков не возникало.

В Чебоксарах самой распространенной организационной трудностью было отсутствие людей по указанным для посещения адресам. Иногда речь шла о временном отсутствии (командировки, нахождение человека в другом месте во время визита переписчика и т. д.), в иных случаях отсутствующие лица были лишь зарегистрированы по указанным адресам, но проживали в других местах. Если со слов соседей удавалось узнать, что квартира, закрытая в момент прихода переписчика, обитаема, и проживающие в ней отсутствуют временно, проблему в значительной мере удавалось решить путем повторного посещения. Нежилые квартиры частично были выявлены во время предварительных обходов. По подсчетам городских переписчиков, таких квартир на их участках оказалось не более 2–3%.

В сельских населенных пунктах таких проблем практически не возникало. Наличие населения в любом селе или деревне определяется значительно проще, чем в городе, – как и причины и длительность отсутствия отдельных жителей. Здесь большей проблемой было незнание жителями, особенно пожилыми людьми, что для участия в переписи не надо предъявлять никакие документы, справки и т. п., хотя информация об этом неоднократно передавалась через республиканские средства массовой информации. По этой причине у некоторых из них процедура переписи вызывала недоверие, что порой служило причиной прямых отказов. Когда же такие граждане узнавали, что для

участия в переписи необходимо только их согласие, они в большинстве случаев снимали свои возражения и отвечали на вопросы переписчиков.

В отдельных случаях (не более 10 у всех переписчиков) при ответе на вопросы переписного листа опрашиваемые отказывались отвечать на вопросы о доходах, хотя о конкретных суммах их при этом не спрашивали.

Несколько единичных отказов от участия в переписи связаны с политическими и идеологическими причинами. Они зафиксированы в Ибресинском районе, где некоторые противники президента России В. Путина восприняли перепись как политическую акцию и были уверены, что ее результаты будут использованы для пропаганды действий современного руководства страны, которое они считают «антинародным», «продажным» и т. п. Из других трудностей переписной работы переписчики отметили проблему закрытых подъездов – в домах, где проживают обеспеченные люди (в Чебоксарах), и проблему агрессивных бесхозных собак (на селе).

О проблемах, возникавших в связи с заполнением тех или иных граф в переписных листах – о гражданской, этнической и языковой идентификации, – необходимо отметить следующее.

Вопрос о гражданстве в целом не вызвал трудностей – ни у опрашиваемых, ни у переписчиков, но, на наш взгляд, в силу традиции, а не ясного его понимания. «Раз живем в России, то мы – россияне», – такова логика абсолютного большинства ответов. Некоторые при этом ссылались на паспорт нового образца, в котором зафиксировано гражданство. На первый взгляд, все правильно и логично. Но нельзя не отметить, что большинство населения понимает гражданство не как сумму взаимных политических и правовых обязательств между гражданином и государством. Как в городе, так и на селе преобладает абсолютно патерналистское понимание гражданства. Иногда переписчики сами ставили в графе о гражданстве «российское». Некоторым пожилым жителям мордовского с. Рындино (в Порецком районе) пункт о гражданстве, из-за непонимания вопроса, пришлось переводить на мордовский язык.

Призыв некоторых лидеров чувашского национального движения к гражданам зафиксировать в переписных документах двойное гражданство – федеральное и Чувашской Республики – не нашел отклика у населения. Лишь пятая часть переписчиков припомнила единичные (в буквальном смысле) случаи, когда опрашиваемые просили отметить, что они являются гражданами России и Чувашии. Кроме того, из-за непонимания вопроса при заполнении переписных листов зафикси-

ровано смешение понятий «гражданство» и «национальная принадлежность», когда на вопрос о гражданстве следовал ответ «чуваш». Несколько таких случаев отмечено в Чебоксарах. Можно констатировать также, что у абсолютного большинства жителей республики укрепилось понимание того, что такого государства, как СССР, уже нет, и в то же время есть реально существующее российское государство. Всего два человека у 15 переписчиков просили зафиксировать в переписных листах гражданство СССР.

В Чебоксарах один из переписчиков опросил несколько армянских семей, взрослые члены которых работают в столице Чувашии. Все они выражают желание стать россиянами, но некоторые еще не имеют российского гражданства (но надеялись получить его). Отсутствие российского гражданства затрудняет решение вопросов их трудоустройства, а также проблем, связанных с проживанием в Чувашии, паспортным контролем и т. п.

Значительных трудностей при ответе на вопрос о национальной принадлежности не наблюдалось, особенно в сельских населенных пунктах с этнически однородным населением. Проблемы такого рода возникали в основном в Чебоксарах, где проживает наибольшее число этнически смешанных семей, в основном чувашско-русских. В городе также более сказывается процесс обрусения чувашей и представителей иных этносов – марийцев, мордвы и др.

Переписчики, работавшие в Чебоксарах, отметили несколько случаев, когда родители в чувашско-русских семьях затруднялись определить национальность своих малолетних детей. Хотя статистическая база для обобщений весьма незначительна, можно установить некоторую тенденцию к определению детей как русских. Один из основных аргументов родителей в таких случаях – невладение или очень слабое владение детьми чувашским языком, отдаленность от чувашских традиций, обычаев. «Какой же он (она) чуваш(ка) – говорить по-чувашски не может, ничего не знает!» – типичная аргументация родителей-чувашей в таких семьях. В Чебоксарах было два случая (в чувашско-русских семьях), когда родители не могли определиться с этнической принадлежностью своих детей в возрасте 6–7 лет и предлагали им самим ответить на вопрос переписчика о национальности. У молодежи старшего школьного и студенческого возраста, чьи родители являются представителями разных этносов, по имеющимся материалам, трудно определить преобладающее направление самоидентификации. В одной чебоксарской семье дочь-студентка ответила, что она – русская, а сын – что он – чуваш, хотя чувашский язык он знает плохо. В мордовских и мордовско-чувашских селах Ибресинского и Порецкого рай-

онов доля национально-смешанных семей (мордовско-русских и мордовско-чувашских) составляет около 8–10%. В мордовско-русских семьях при определении национальности детей в основном записывали русскими, а в мордовско-чувашских – мордвинами (два случая в Порецком районе). В нескольких случаях (в Порецком и Алатырском районах) русскими были записаны дети из однородных мордовских семей. Когда у детей, как и у родителей, возникали сомнения в связи с этнической идентификацией, типичным решением было обсуждение этого вопроса с членами семьи с целью разъяснить и понять ситуацию. Имели место и случаи обращения к переписчикам. В чувашских семьях родители по-разному относились к решению взрослых детей обозначить себя русскими – и одобрительно, и безразлично, и с обидой. В татарских семьях такие проблемы практически не возникали: случаи записи их членов – как взрослых, так и детей – не татарами переписчикам неизвестны.

Перед началом переписи активисты татарского общественно-культурного центра в Чувашии были обеспокоены проблемой «раскола единого татарского народа» в связи с тем, что перепись предоставляла гражданам возможность идентифицировать себя с кряшенами или мишарями. Один из авторов настоящего сообщения до 9 октября 2002 г. беседовал с тремя переписчиками – татарами по национальности из пос. Буинск. Лишь один из них имел довольно ясное представление об истории мишарей и их этнокультурных отличиях от основной массы татар. Тем не менее, он заявил, что «мы – мишари, но во время переписи будем записываться татарами». Случаев двойной идентичности (татарин и мишарь) переписчики в этом поселке не зафиксировали.

Проблема двойной идентичности имела место в населенных пунктах с мордовским населением. В Чувашии проживают представители одной из двух групп мордвы – эрзя. В основном они компактно расселены в Порецком и Алатырском районах республики. В ходе предварительных встреч с переписчиками в с. Рындино они подтверждали свою эрзянскую принадлежность, но не могли дать определенного ответа на вопрос о предпочтениях односельчан непосредственно во время переписи. В этом селе из 600 жителей абсолютное большинство причислило себя к мордовскому этносу и лишь двое записались как мордва-эрзя. В селе же Малые Кармалы Ибресинского района, где проживают мордва и чуваши (примерно по 250 человек тех и других), около половины мордовского населения идентифицировало себя как мордва и примерно столько же – как мордва-эрзя. Столь заметное различие в самоопределении жителей двух населенных пунктов с

мордовским населением объясняется тем, что в с. Напольное Порецкого района (то есть того же, где находится с. Рындино) действует центр мордовской культуры, руководители которого, как и их татарские коллеги, приложили усилия, чтобы в результате переписи не произошел «раскол» мордовского народа и вследствие этого уменьшение его численности. (С этим показателем связываются возможности экономического и культурного развития народа, получения финансовых и материальных субсидий.)

Известны немногочисленные попытки зафиксировать вместо национальной гражданскую или региональную принадлежность. У трех переписчиков (в Чебоксарах, пос. Буинск и Кугеси) было по 1–2 случая, когда на вопрос о национальности опрашиваемые отвечали «россиянин». При этом два переписчика разъясняли, что такая национальность не существует, и просили опрашиваемых подумать и еще раз ответить на этот вопрос. Третий переписчик записал такие ответы без исправлений и комментариев. В Чебоксарах имел место случай, когда на вопрос о национальности опрашиваемый назвался «поволжским», но этот ответ не был зафиксирован в переписном листе, так как переписчик попросил этого человека назвать его «настоящую» национальность. Некоторые чебоксарцы (около 10 случаев) просили отметить в переписном листе позицию «чуваш» при ответе на вопрос о национальной принадлежности, хотя не были этническими чувашами. Выбор в пользу региональной идентичности вместо этнической они объяснили тем, что живут в Чувашии. Но в большинстве таких случаев за этим следовало разъяснение о «неправильности» подобных решений. Авторам настоящего сообщения не известно ни одного случая, чтобы опрашиваемые просили пропустить в переписном листе графу с вопросом о национальной принадлежности.

Из-за недостаточной статистической базы, безусловно, нельзя говорить о тех или иных отчетливых тенденциях в соотношении региональной и этнической идентичностей, их наложении и смещении друг относительно друга, и, судя по действиям переписчиков, материалы переписи не позволят сделать по этому поводу какие-либо достоверные заключения. Попыток зафиксировать вместо национальной религиозную или социальную принадлежность ни переписчики, ни авторы данного сообщения не наблюдали.

Из необычных ответов на вопрос о национальной принадлежности в Чебоксарах отмечены навеянные фантастическими книгами и фильмами друиды, джидаи, орки и т. п., число которых было совсем незначительно.

Никто из переписчиков не сталкивался в ходе работы с ситуациями, когда их воспринимали в качестве представителей определенных этносов. Только двоих из них спрашивали (в двух–трех чувашских семьях в Чебоксарах) о национальности, но, судя по всему, вполне доброжелательно, и никакого влияния на работу это не оказало. При этом один из переписчиков, о которых идет речь, владел чувашским языком, а другой – нет. На селе опрашиваемое население в основном знало своих переписчиков, и потому таких проблем не возникало вовсе.

Немаловажную роль для налаживания контактов с населением и эффективной работы играло знание переписчиками языков, которыми в основном пользуются в данном населенном пункте. Особое значение это имело в сельской местности. Так, в с. Малые Кармалы в одинаковой степени распространены русский, чувашский и мордовский языки, в с. Рындино – русский и мордовский, в пос. Буинск – русский, татарский и чувашский, в пос. Кугеси – русский и чувашский языки. Лишь в пос. Буинск переписчики не владели всеми тремя языками местного населения (один знал только русский, двое других – русский и один из остальных языков). Из шести опрошенных чебоксарских переписчиков трое, кроме русского языка, в разной степени знали и чувашский. Выбор языка в ходе работы делался исходя из конкретной ситуации: переписчики сами определяли, как им действовать. При проведении переписи в пос. Буинск отмечены отдельные случаи, когда опрашиваемые не знали русского языка, а переписчики – их родного. Пришлось прибегнуть к помощи родственников и соседей, которые и помогли перевести вопросы переписного листа и ответы на них.

Проблемные ситуации порой возникали при определении родного языка опрашиваемых. В переписном листе не было вопроса о родном языке, но «Руководство для переписчика» предписывало задавать его. Иногда переписчики – из-за недостаточной инструктированности – не делали этого. В ходе ноябрьского (2002 г.) опроса студентов Чувашского госуниверситета и Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД просили уточнить, задавался ли им во время переписи вопрос о родном языке. (Сразу оговоримся, что эти данные нельзя распространять на все группы населения и на всю республику.) Опрос показал, что, по крайней мере в столице Чувашии, вопрос о родном языке задавался, о том же говорили и переписчики. Среди опрошенных студентов было не больше 8–10% таких, кто ответил, что переписчики о родном языке их не спрашивали.

В связи с вопросами о языках основная проблема состояла именно в определении родного языка. Чаще всего она возникала при опросе

представителей чувашей, марийцев, мордвы и других национальностей, проживающих в Чебоксарах. Молодые представители этих этносов больше пользуются русским языком, а родным языком родителей владеют в меньшей степени (или совсем не владеют). Но это вовсе не означает, что при ответе на вопросы переписного листа они обязательно называли в качестве родного языка русский, хотя подобные примеры известны. Иногда под влиянием этнической идентификации такие опрашиваемые называли своим родным языком родной язык родителей: чувашский или какой-то другой. Но все шесть чебоксарских переписчиков отмечают и другую ситуацию: нередко молодежь просила записать в качестве родных два языка – русский и чувашский. Это не означало, что опрашиваемые в одинаковой степени владели обоими языками: русский язык в большинстве случаев имел преимущество – особенно вне дома. В этих случаях переписчики чаще всего просили сомневающихся определиться с родным языком и выбрать один из двух. Аналогичные факты, хотя и гораздо реже, отмечались и в сельской местности, в частности, в с. Рындино Порецкого района, где в одинаковой степени используются мордовский и русский языки. Но сфера бытования родных языков (отличных от русского) на селе гораздо глубже, а кроме того, для сельского населения Чувашии этнически смешанное проживание нехарактерно. Татары, мордва и русские компактно расселены – каждый в отдельных районах республики, хотя, безусловно, отдельные поселения со смешанным составом жителей существуют. Такое положение способствует сохранению местных языков, хотя и не абсолютному.

Переписчиками было сделано еще одно наблюдение – в селах Малые Кармалы и Рындино, с мордовским населением. Там имели место единичные случаи, когда лица, указавшие в графе переписного листа о национальности «мордвин», на вопрос о родном языке ответили «эрзянский». Здесь мы имеем дело со стремлением как не нарушить сложившуюся схему, так и отдать должное собственному пониманию опрашиваемыми их этнической принадлежности.

В настоящее время для обоснованных заключений, по всей видимости, недостаточно данных, но наблюдение за ходом переписи дает возможность высказать предположение, что вполне реально параллельное бытование таких понятий (если они еще необходимы), как «родной язык» и «родные языки».

Приведенные примеры, на наш взгляд, говорят о том, что предложенные переписью схемы не всегда улавливали изменения в этническом сознании опрашиваемых и что материалы переписи не позволят

в достаточной мере определить интенсивность и направленность этих сложных процессов.